

Научная статья
УДК 39 + 910.4
doi: 10.17223/15617793/516/15

М.Н. Галкин-Враской: становление исследователя (итоги экспедиции 1858–1859 гг. в Туркестан)

Владимир Викторович Туарменский¹, Юрий Николаевич Паничкин²

¹ Академия права и управления ФСИН России, Рязань, Россия, tuarmensky@gmail.com
² Современный технический университет, Рязань, Россия, panichkin@list.ru

Аннотация. Рассматриваются материалы, вышедшие в печать под авторством М.Н. Галкина-Врасского после туркестанской экспедиции 1858–1859 гг., в которой будущий реформатор пенитенциарной системы Российской империи принял непосредственное и активное участие. На основе анализа документов экспедиции делается вывод о системном научном подходе М.Н. Галкина-Враскова и его значительном вкладе в изучении опи-сываемого региона.

Ключевые слова: географические экспедиции, Туркестан, М.Н. Галкин-Враской

Для цитирования: Туарменский В.В., Паничкин Ю.Н. М.Н. Галкин-Враской: становление исследователя (итоги экспедиции 1858–1859 гг. в Туркестан) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 119–126. doi: 10.17223/15617793/516/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/15

Mikhail Galkin-Vraskoy: Becoming a researcher (results of the 1858–1859 expedition to Turkestan)

Vladimir V. Tuarmensky¹, Yuriy N. Panichkin²

¹ Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, tuarmensky@gmail.com
² Modern Technical University, Ryazan, Russian Federation, panichkin@list.ru

Abstract. The relevance of the article is due to the need to analyze historical sources obtained as a result of geographical research in the second half of the 19th century. Based on the analysis of ethnographic materials on Central Asia and the Orenburg region, the article aims to determine the contribution of Mikhail Galkin-Vraskoy in the study of Turkmenistan and the promotion of the interests of the Russian Empire in this region. The study employed the following approaches. The historical approach allowed considering the formation of Galkin-Vraskoy as a multifaceted scientist during the Turkestan expedition of 1858–1859. An integrated approach contributed to attracting the maximum number of domestic and foreign historical documents, as well as scientific sources from related fields of knowledge, which made it possible to fully assess the scientist's contribution to the study of Central Asia and Russia's penetration into this region in the second half of the 19th century. Results: based on the analysis of historical material, as well as the works of representatives of related fields of natural science, political science and penitentiary knowledge, it was found that Galkin-Vraskoy's contribution to the study of Turkmenistan in the middle of the 19th century was significant and necessary for the progressive spread of Russia's influence in the region. The article examines the ethnographic and military-strategic vectors that were combined in the scientific activities of the diplomat and the traveler, and subsequently a leading penitentiary officer of the Russian Empire. In the modern foreign policy context, Galkin-Vraskoy should be mentioned among the people who laid the course for the development of Central Asia for our country. However, he is hardly mentioned as a diverse scientist, diplomat and traveler. The historical and geographical information provided in the work of Galkin-Vraskoy was supplemented by diplomatic, military and intelligence data; ethnographic materials, which are still of interest to researchers, are the most valuable material for studying the way of life, history and traditions of the population of Turkmenistan in the middle of the 19th century. At the same time, it is noted that throughout the entire Turkestan expedition, Galkin-Vraskoy remained a researcher who tirelessly defended the state interests of Russia and critically comprehended the main directions of the empire's policy in Central Asia. Scientific novelty: the article for the first time examines the beginning of research activities of Galkin-Vraskoy. Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used when considering issues related to the ethnography of the Turkmen tribes, as well as the geopolitical development of Russia in the middle of the 19th century.

Keywords: geographical expeditions, Turkestan, Mikhail Galkin-Vraskoy

For citation: Tuarmensky, V.V. & Panichkin, Yu.N. (2025) Mikhail Galkin-Vraskoy: Becoming a researcher (results of the 1858–1859 expedition to Turkestan). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 119–126. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/15

Проведение серьезных и системных преобразований устоявшихся социальных институтов требует не только политической воли и желания позитивных изменений. Очень часто в истории человеческой цивилизации благие намерения к лучшему, не подкрепленные системным видением состояния проблемы, и пути ее решения приводили к плачевным результатам. Пенитенциарная система Российской империи в середине XIX в. представляла собой архаичное образование, функционально не способное эффективно решать поставленные перед ней задачи и вредившее имиджу государства. Понимание необходимости изменений в пенитенциарной системе поставило вопрос о путях, характере, методах изменений. Кроме того, были необходимы кадры, способные, тщательно изучив опыт передовых стран, реализовать в России давно назревшие реформы пенитенциарной системы. Сумма обстоятельств определила в качестве руководителя таких изменений М.Н. Галкина-Браскова, человека, не работавшего в рамках данной системы и имевшего свежий взгляд на ее состояние. В своей работе мы попытаемся ответить на вопрос, почему именно Галкин-Брасков был направлен для изучения передового западного опыта, а затем, на его основе, осуществлял реформы пенитенциарной системы России.

Формирование целей статьи и постановка задачи

Попытка ответить на данный вопрос определила цель данной работы – на основании анализа этнографических материалов по Средней Азии и Оренбургскому краю определить вклад М.Н. Галкина-Брасского в исследование Туркмении и продвижение интересов Российской империи в данном регионе. Она же ограничила перечень основных задач исследования. Во-первых, изучить доступные исторические источники, касающиеся жизни и деятельности М.Н. Галкина-Брасского до его европейского путешествия по изучению западного пенитенциарного опыта. Во-вторых, на основе анализа исторических документов определить предпосылки его будущей деятельности на государственной службе, включая работу по реформированию отечественной тюремной системы. В-третьих, популяризовать научные результаты туркестанской экспедиции 1858–1859 гг. (миссии Н.П. Игнатьева), в которой М.Н. Галкин-Брасков принимал активное участие.

Теоретической базой исследования стали труды отечественных исследователей и исторические документы рассматриваемой эпохи. В качестве основы для анализа были взяты этнографические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю Галкина-Брасского, отмеченные серебряной медалью Русского императорского географического общества [1]. Данный исторический источник представляет для исследователя неподдельный интерес в силу возможности получения объективных данных из первых рук. Подбор и компоновка материалов отчета экспедиции, а также содержание включенных в него документов позволили определить позицию автора как перспективного ученого, дипломата и государственного деятеля.

Дополняют данные материалов Галкина-Брасского воспоминания других участников экспедиции 1858–1859 гг. – Н.Г. Залесова [2–5], Н.П. Игнатьева [6], Е.Я. Килевейна [7] и П. Назарова [8]. Рассмотрение данных исторических документов мемуарного типа позволяет на их фоне оценить научный характер работы М.Н. Галкина и ценность приведенных в ней данных.

Изучение работ отечественных (В.В. Вельяминов-Зернов [9], М.И. Венюков [10], М.В. Грулёв [11], П.П. Иванов [12], Л.Г. Левтеева [13], А.И. Макшеев [14], Н.Н. Муравьёв [15], А.Н. Попов [16], М.А. Терентьев [17]) и зарубежных (А. Борнс [18], А. Кемпбелл [19], А. Конолли [20], П. Хопкирк [21]) ученых-востоковедов позволило проанализировать ситуацию в Туркестане накануне экспедиции 1858–1859 гг.

Кроме того, были изучены труды отечественных ученых-пенитенциаристов (А.Ш. Габараев, Д.Е. Дикопольцев [22], Л.Ф. Пертли [23]). Однако перечисленные исследователи упускают из вида ранний период жизни М.Н. Галкина-Браскова, как не соотносящийся с его дальнейшей пенитенциарной активностью, что является пробелом в анализе его деятельности на поприще реформ тюремной системы России. В результате данного однобокого подхода к изучению научной и исследовательской работы М.Н. Галкина-Брасского вне поля зрения ученых оказались ценные материалы и факты, собранные участниками миссии Н.П. Игнатьева. Необходимо отметить, что материалы экспедиции 1858–1859 гг. в советские годы также не изучались именно по причине их освещения М.Н. Галкиным-Браским, являвшимся для исследователей «главным тюремщиком» Российской империи, осуществлявшим экспансию в Средней Азии, который не писал о бедственном положении местных дехкан (земледельцев) [12].

Отсюда следует научная новизна работы, которая состоит в изучении начального этапа исследовательской активности М.Н. Галкина-Браскова, ключевым моментом которой стала туркестанская экспедиция 1858–1859 гг.

Актуальность представленной работы состоит в том, что основные положения и выводы исследования могут быть использованы при рассмотрении вопросов, связанных как с персоналией М.Н. Галкина-Браскова – ученого-этнографа, так и с опубликованными им материалами экспедиции 1858–1859 гг., слабо изученными учеными-востоковедами для анализа истории, политических отношений, социально-экономической ситуации, а также быта народов, населявших территорию Туркестана во второй половине XIX в.

Методология исследования

При написании статьи авторами использованы: исторический метод, необходимый для изучения и интерпретации текстов рассматриваемого документа середины XIX в.; этнографический метод, важный для анализа материалов экспедиции, представленных М.Н. Галкиным, носящих ярко выраженную этническую специфику; источниковедческий метод – для анализа, критики и оценки исторической ценности материалов и мемуаров различных авторов, посвященных

экспедиции 1858–1859 гг.; дипломатический метод – для анализа документов, касающихся взаимоотношений туркменских племен с окружающими народами и странами, а также для оценки противоборства России и Великобритании на территории Туркестана в эпоху Большой игры.

Результаты

Основные данные исследования были получены из этнографических записок, изданных в 1867 г. С момента туркестанской экспедиции прошло восемь лет. Мы можем предполагать, чем была вызвана такая задержка в публикации результатов изучения Туркестана. Скорее всего, это были моменты, связанные с секретностью данных, имеющих стратегическое значение. Как мы помним, в 1867 г. покорение Туркестана было в основном завершено созданием Туркестанского генерал-губернаторства.

Сам автор (здесь и далее М.Н. Галкин-Враской) содержание своей книги представил следующим образом:

- 1) описание земель, занимаемых туркменами;
- 2) общая их характеристика, описание происхождения и деление на роды;
- 3) расположение туркменских кочевий и численность населения;
- 4) взаимоотношения туркмен с соседними государствами – Россией, Хивой и Персией;
- 5) местное управление, занятия и торговля.

Таким образом была предпринята попытка комплексного изучения Туркменистана.

Важно отметить, что в общих чертах поставленные автором этнографических записок задачи были решены уже в первой главе книги.

М.Н. Галкин-Враской подробно описывает особенности туркменских степей и обосновывает расселение рассматриваемого народа именно природными условиями и географическими пределами данных территорий, пригодных исключительно для кочевого образа жизни.

На тот исторический момент северной границей расселения кочевых туркменских племен был полуостров Мангышлак с прилегающими к нему степями киргизов Оренбургья, с востока – Аму-Дарья и владения хивинских ханов и бухарских эмиров, с юга – горы Альбурзкие (Эльбурс), река Чёрная (Атрек), впадающая в Каспийское море и отделяющая Туркмению от Астрabadской области Персии.

Автор пишет, что на всем рассматриваемом пространстве проживания туркменских племен произрастает скудная растительность (гребенщик – небольшие деревья и кустарники из рода тамарикс и акселя – серебристый ковыль), пригодная только для питания верблюдов. Сельское хозяйство на тот период было возможно лишь в формате искусственного орошения на очень ограниченном пространстве по берегам Атрека и Гургени. Причем в регионе культивировались лишь бахчевые культуры и немногие овощи. В центре туркменских земель степь характеризовалась автором как совершенно безлюдная, не пригодная к летнему кочеванию местных племен. При этом он указывает, что

плотность населения возрастает по мере приближения к персидской границе, а поселения приобретают вид укрепленной линии из 47 небольших крепостей.

По мнению автора, именно крайняя скудость рассматриваемых территорий определяет не только тип основных занятий туркмен, но и дополнительные доходы кочевников, основанные на «удальстве и грабеже», подпитываемые крайней бедностью населения [1. С. 4]. И такого рода эксцессы постоянно происходили между представителями многочисленных туркменских родов, что не могло положительно сказываться на внутреннем единстве данного народа («идет нескончаемая вражда, лишающая народ всякой правильной жизни») [1. С. 15]. Автор фиксирует сохранившийся среди туркменских племен обычай кровной мести, приводящий к долгим племенным конфликтам [1. С. 28]. Для искоренения данных негативных моментов необходима «...благоразумная, твердая воля... а этого нельзя ожидать ни от одного самого умного и хитрого туркменина» [1. С. 4].

Серьезную трудность для автора представляло изучение истории и родословной туркменских племен. Низкий уровень грамотности и отсутствие исторической науки у местного населения не могло дать основательных объективных данных исследователю. Изучение истории народа часто сводилось к перечислению туркменских родов и их предводителей, «да и по поводу этих лиц теряются они в различных показаниях» [4]. Галкин называет 13 родов и их названия: 1) Ессен-Или; 2) Гоклан; 3) Теке; 4) Ямуд; 5) Ерсары; 6) Салор; 7) Саррык; 8) Сакар; 9) Уи; 10) Уймак; 11) Кара-дашли; 12) Ал-Или; 13) Амр-Или. Для шести из перечисленных племен автор собрал и расписал подробную родословную и место проживания.

Параллельно описанию туркменских родов исследователь занимается переписью местного населения. Основой подсчета в тот период являлась кибитка. Автору удалось сравнить данные 1819 г., 1839 г. и 1859 г. Тот факт, что цифры населения Туркменистана остались практически прежними, позволил исследователю сделать вывод о том, что «...крайности в климате, отсутствие медицинских пособий и проч. – содействуют тому, что народонаселение их не умножается» [1. С. 14]. Общую численность населения Галкин доводит до 35 тыс. кибиток или 175 тыс. душ обоего пола, так как в каждой кибитке принято считать до пяти человек.

Надо отдать должное автору, что он основательно подошел к изучению туркменской родоплеменной структуры, привлекая к исследованию доступных ему зарубежных и отечественных авторов [15, 18, 20, 24].

Далее автор осуществил подробный разбор внешне-политических связей туркменских племен. Начинается обзор с русско-туркменских отношений, которые возникают в царствие Петра Великого и союзного ему калмыцкого хана Аюки. Именно благодаря активной экспансионистской политике последнего, сопровождавшейся грабежом хлебных караванов, шедших из Хивы, туркмены были вынуждены искать покровительства со стороны России с целью организации хлебной торговли из Астрахани. В ходе визита представителя туркменских

племен – Ходжи-Нефеса – было предложено российской стороне устроить в районе старого русла Амудары русский укрепленный пункт. В результате были организованы две русские экспедиции на восточный берег Каспийского моря. При этом туркмены всячески содействовали экспедициям: доставляли необходимые перевозочные средства и помогали строительству укрепленных пунктов в Тюб-Карагане и Красноводске [16]. Однако после неудачи экспедиции Бековича-Черкасского в Хиву оба укрепленных пункта пришлось срыть, а гарнизоны эвакуировать в Астрахань из-за нападения со стороны туркмен на русские форпосты с суши и моря [14]. Регулярные контакты туркменских племен с русским правительством начались в 40-х гг. XVIII в. [9. С. 16]. В 1833 г. русскими властями было возведено укрепление в Мёртвом Култуке (после залив Цесаревича и далее залив Комсомолец), которое в 1845 г. было переведено на Мангышлакский полуостров. Исследования осталенного побережья Каспийского моря в основном закончились экспедицией 1859 г., в которой принимал участие М.Н. Галкин.

Современное отношение к русским со стороны туркмен автор изучал на себе и ближайшем окружении в течении путешествия. Местные жители дали следующие прозвища участникам экспедиции: сары-сакал (рыжебородый), кызыл-буин (красношерстий), узун-буили-ак-чигит (длинный, белый) и т.п. Туркмены, входившие в состав экспедиции, «отличались готовностью служить России и не менее желанием высказать перед другими туркменами свою важность и значение между русскими» [1. С. 30].

Путешественник выяснил, что торговые связи туркмен с Россией значительные только на побережье Каспийского моря. Основным товаром, ввозимым из России, являлось зерно, которое меняли на рыбу. При этом в ходе торгового обмена постоянно возникала масса недоразумений, иногда вооруженных. Для их решения на острове Ашур-Аде в Астрабадском заливе была устроена морская станция. Среди местной знати на момент путешествия не было людей, преданных России, ввиду отсутствия продуманной и систематической политики правительства. «Позволю себе заметить, что всякий из так называемых вполне нам преданных туркмен, не может действовать иначе, как среди двух искушений: боязни своих родичей и желания служить нам... нельзя, однако, винить за него туркмен в той мере, как бы следовало: все покровительство наше в отношении преданных и искающих подданство туркмен, ограничивалось постоянно одними подарками. Большой частью весьма незначительными, которые возбуждали только тщеславие, тогда как жизнь и имущество этих туркмен оставались в руках их соплеменников без всякой нашей защиты» [1. С. 22].

Автор наблюдал заинтересованность российских предпринимателей разработкой нефтяных месторождений Туркмении. Однако отсутствие производственных мощностей у туркменских племен сдерживало добычу нефти и производство из нее ряда интересных для русских товаров. С другой стороны, российское правительство не могло представить защиты торговых интересов русских предпринимателей.

Туркмены, постоянно вступающие в конфликты с соседями, очень часто искали поддержку со стороны России. Например, хан Ата-Мурат в 1855 г. обратился за военной помощью для войны с Хивинским ханством. Помощи не дождался, но захватил Кунград – город, который впоследствии будет служить «воротами» России в Среднюю Азию. На 1859 г. автором фиксировалась постоянная конфронтация ряда туркменских племен с Хивинским ханством. При этом часть туркмен были ориентированы на Хиву ввиду духовной близости. Автор указывает, что основы ей заложены религиозной деятельностью хивинских ханов. Последние рассматривали себя в качестве религиозной метрополии для туркменских племен. Миссионерская деятельность Хивы подпитывалась грамотной образовательной политикой. Отсутствие какого-нибудь образования среди туркменских племен вызывало необходимость отправлять детей в хивинские медресе [1. С. 31].

Отношения туркменских племен с Персией также не всегда были добрыми. Влияние южного соседа распространялось исключительно на пограничные племена, которые вынуждены были покупать хлеб. Очень часто туркмены совершали разбойничьи набеги на персидское побережье, что не добавляло добрососедства между народами. Персия, не имевшая флота на Каспийском море, была вынуждена обращаться к России за помощью и защитой от набегов туркмен. В 1842 г. с этой целью состоялась миссия капитана Путятина на пароходе «Кама» в Гасан-кули, где было сожжено несколько десятков туркменских лодок и освобождены русские пленники [25]. С целью защиты Персии была создана Ашур-Адинская морская станция. Автор был свидетелем нового обострения туркмено-персидского конфликта в 1856–1858 гг., который сопровождался удачными набегами с обеих сторон. Во время одного нападения астрабадский губернатор напал на текинских туркмен, сжег пять аулов и истребил их жителей. Всего было убито 170 мужчин, взято в плен 350 женщин и детей [1. С. 26]. Однако этот карательный поход не образумил туркмен и они продолжили свои набеги. На момент экспедиции Персия продолжала претендовать на часть земель приграничных туркменских племен, располагающихся в верховьях Гюргени в числе 3 тысяч семей. Так как данное население является более оседлым, оно вынуждено платить постоянную пошлину, доходящую до 6 тыс. туманов (туман = 3 руб. серебром).

Далее автор осуществляет анализ управления в Туркменистане. Основная часть племенправлялась старейшинами (аксакалами) или аульными старшинами (кетхуда). Как правило, они разбирали уголовные дела, а наиболее часто рассматриваемое на тот момент преступление – убийство и обычное требование – смерть преступника (кан-каналы). Иногда (если кровный мститель соглашался взять деньги) назначался выкуп в 2 500 руб. серебром, но он мог варьироваться в зависимости от состояния преступника [1. С. 28].

Туркмены, по мнению автора, преступали закон с легкостью и однообразно, также просто они хвастались совершенными преступлениями, считая их видом

удальства. В тот исторический период возникает специфический термин, описывающий данный тип национального поведения – «туркменчиллик» (обычаи и традиции туркмен) [1. С. 29].

В Туркмении, как в стране мусульманской, в основе общественно-политической жизни лежал Коран, поэтому очень часто на себя брали управленические функции служители культа – муллы и ишаны (главы религиозных общин). Однако муллы на тот момент были редким явлением в туркменских степях, так как на данной территории не было зданий религиозного культа, а местное население молилось в любом удобном для себя месте.

На юге Туркестана власть уже находилась в руках ханов. Автор пишет так: «...в этой части степи всякий побогаче называет себя ханом и знать никого не хочет» [1. С. 31]. М.Н. Галкин, как настоящий исследователь, в своей работе зафиксировал процесс перехода туркменских племен к государственному устройству.

Проанализировав систему управления туркменских племен, автор приходит к мнению о возможности и необходимости русской колонизации побережья Каспия. «Пока не будет здесь прочного заселения нашего, которое могло бы держать в страхе местных обывателей, вряд ли можно рассчитывать на бескорыстную преданность русским кого-бы то ни было их них» [1. С. 22].

Представляет интерес описание быта туркмен, составленное М.Н. Галкиным. Обычным домом местных жителей являлись кибитки, редкие из которых убраны коврами. Обычная еда местных кочевников – хлеб, а по праздниками плов с барабанной. Обычная одежда – бумажные халаты, одеваемые один на другой, и высокие барабаны шапки. Более разнообразная одежда у туркмен, проживавших на границе с Персией. Все домашнее хозяйство находилось в руках женщин «...у которых, как мне случалось видеть и руки гораздо развитее и грубее мужниных» [1. С. 33]. Лишь немногие туркмены работают сами – «лень с ними неразлучна» [1. С. 33]. Кроме 4 законных жен они допускали еще столько же незаконных, а состоятельные туркмены и здесь нарушали традиции. Возраст жениха и невесты в расчет не брался. Брак в виде сговора был возможен в 12 лет у молодого человека и 9 лет у девочки. Калым перед свадьбой составлял 10–15 верблюдов. На момент экспедиции самыми богатыми считались люди, имевшие до 40 верблюдов и до 300–400 баранов. Но таковых в родах может быть всего 2 или 3 человека [1. С. 35].

В качестве обычного занятия для прибрежных туркмен автор застал рыболовство. Лучший ловец мог выловить до 150 штук красной рыбы в ночь. Затем улов отвозился в Александровский форт, где у местных торговцев (как правило армян) менялся на хлеб. Мешок в 7 пудов менялся на 12–15 штук осетров или севрюг, что, по мнению автора, было тягостным условием.

Кроме рыболовства туркмены занимались выращиванием арбузных и дынных бахчей. Для этого они брали навоз с зимовок киргизов. Зерновые выращивались по следующей плодопеременной схеме: пшеница, горох, кунжут, ячмень, хлопчатник – без перерыва. Автор отмечает, что ввиду малого количества орошаемых

земель им практически не дают отдохнуть, а это приводит к крайнему истощению почвы и низким урожаям.

Дополнительные доходы туркменам приносила добыча соли в трех месторождениях открытого типа на берегу Каспия. Прииски принадлежали Менглы-Турды-хану. Всего за год там добывалось 20 000 пудов соли [1. С. 36].

Галкин зафиксировал и описал развитие нефтяного промысла на острове Челекен. На территории месторождения было вырыто 200 колодцев, в которые просачивалась нефть трех типов: черная густая, жидккая и зеленоватая. Сами туркмены использовали нефтепродукты для освещения, а с 1858 г. стали продавать их русским купцам для изготовления парафина (до 50 000 пудов).

Таким образом, в первой части книги М.Н. Галкин-Враской разместили собранные в результате экспедиции этнографические, природно-климатические, экономические и социально-политические материалы, представлявшие комплексное исследование Туркменистана.

Однако М.Н. Галкин выходит за рамки этнографического исследования, очерченного в начале книги, и добавляет много разведовательной информации, имевшей для России важное военно-стратегическое значение. Приведенные ниже материалы придали исследованию дополнительную ценность, но отсрочили публикацию книги. Поэтому материалы экспедиции вышли только в 1867 г., сразу после завоевания Туркестана, когда военно-стратегическая ценность книги была утрачена. Научная составляющая материалов сохранила свою актуальность и была оценена серебряной медалью Русского императорского географического общества.

Во-первых, блок информации в дополнениях к книге составили показания русских пленных, проведших долгие годы на службе у местных правителей и возвращенных из Бухары в 1858–1859 гг.; афганцев и туркмен, сопровождавших английских путешественников (разведчиков) Джеймса Аббота (Эббота) и Ричмонда Шекспира.

Во-вторых, М.Н. Галкин составил подробные описания дорог из киргизских степей и Мангышлака в Хиву, Бухару, Коканд, Ташкент и другие города Средней Азии.

В-третьих, в книгу вошел журнал экспедиции для изучения побережья Каспийского моря, в которой автор непосредственно участвовал. Эти материалы содержали подробные картографические данные для перемещения будущих русских экспедиций (в первую очередь военных) по дорогам Средней Азии. Маршрутные карты (дорожники) включают в себя ценнейшие сведения по населению, торговле, колодцам (и иным источникам воды), местам стоянок, ценам на продовольствие и т.д. Необходимо отметить, что данные М.Н. Галкина показывают высокий уровень географического исследования. После 1859 г. картографирование местности в таких масштабах уже не проводилось (только перед строительством железных дорог).

В-четвертых, в книгу было включено извлечение из дела Московского сенатского архива об отправлении князя Бековича-Черкасского на Каспийское море и

Хиву в 1714–1718 гг. [26]. Провал похода был резонансным и о нем упоминали многие исследователи. Поэтому автором был проведен анализ причин неудачи данной экспедиции [1. С. 143–145]. Последний источник был крайне важен в свете возможной экспансии Российской империи в регионе. Участники возможного похода вглубь Средней Азии должны были ознакомиться с причинами неудач своих предшественников.

Особое место в собранных в книге документах отводится фиксации активности британских подданных в регионе. Вызывала опасение деятельность англичан на территории Афганистана, представлявшего фактически единое социокультурное целое с Туркестаном – распространение влияния Великобритании с территории соседней Индии было вопросом времени. Это была эпоха Большой игры – геополитического соперничества России и Британии в Средней Азии [17, 19, 21, 27]. Поэтому любая активность англичан в регионе тщательно фиксировалась и анализировалась [28, 29].

В книге приводятся сведения, полученные М.Н. Галкиным со слов афганцев Самет-хана Мухаметжанова, Мирзы Абу-Самета Магаметалиева, Али-Мухамеда Мухамед-Шерифова, Хаджи Мухаммеда Мулла Рахманова, Махмуда Исмаилова, Худай-Берды Касим-али Бекова и туркмена Кыдыра Кирпина.

Во-первых, русских интересовали планы и активность англичан на территории Афганистана. У опрошенных было выяснено, что англичане, пользуясь бедственным положением населения провинции Герат (после вооруженного конфликта с Персией), фактически взяли на содержание местного правителя Ша-Камрана [1. С. 104]. На деньги англичан осуществлялось довольствие местного войска, население получило возможность брать небольшие кредиты под малый процент на 3–4 года. На английские же деньги были обновлены укрепления Герата и построен бесплатный госпиталь. Кроме того, британские офицеры активно занимались географическими изысканиями и картографированием местности провинции и всего Афганистана.

Во-вторых, русское правительство интересовало все, что было связано с экспедициями английских путешественников, офицеров и шпионов в одном лице – Эббота и Шекспира из Афганистана в форт Александровск и фактами проникновения английских офицеров в армии местных правителей [1. С. 66]. Особенно это касалось успешной дипломатической операции Эббота и Шекспира, фактически сорвавшей войну России с Хивинским ханством и отложившей возможное присоединение последнего на несколько лет [21].

Из показаний афганцев было выяснено, что еще в 1838 г. англичане пытались проникнуть в Хиву, но были заподозрены в разведывательной деятельности и убиты. Миссия Эббота оказалась более успешной. Он в сопровождении афганцев из Герата добрался до Хивы, где несколько дней провел фактически в положении привилегированного пленника, но все же был принят ханом Алла-Кулом. В ходе нескольких встреч англичанин сумел убедить хана отпустить русских пленников. Со своей стороны, он обещал уговорить русских вернуть хивинских купцов. Именно данная

посредническая деятельность притормозила русскую экспедицию в Хиву. Кроме того, допросы сопровождавших англичан позволили выйти на представителей резидентуры хивинского хана на территории Туркестана, которые должны были отслеживать перемещения русских войск [1. С. 102].

И еще один важный аспект, рассмотренный автором в книге, – это состояние вооруженных сил среднеазиатских государств. Данный материал строится на показаниях русских пленных (Ивана Марченкова, Корнила Суворова, Ивана Ненилина, Василия Пшеничникова, Павла Яркова, Фёдора Федотова), служивших в качестве сарбазов (перс. «присекающий головой», солдат) в бухарской, кокандской и хивинской армиях [30]. Особенностью армий данных государств был состав войск. При численном доминировании иррегулярной конницы (до 40 тыс. всадников), состоящей из представителей местных племен, костяком армии являлись пешие солдатские полки, состоящие из персов, беглых татар и русских, а также пленных казаков и военнослужащих российской регулярной армии. Например, количество солдат в армии бухарского эмира составляло тысячу человек, во время похода оно увеличивалось на 200 человек [1. С. 45]. Особенno ценились среди сарбазов русские артиллеристы, которых назначали в юз-бази (турк. начальник сотни, капитан), так как «бухарцы стреляют из орудий весьма дурно, так что не смотря на расположение орудий в 100, 150 саженях от стены неприятельской крепости, снаряды из крепости попадают в саму стену очень редко, а почти всегда летят по сторонам» [1. С. 52].

Срок службы русского пленника зависел от заплаченной за него цены. После «заслужения» означенной суммы бывшему сарбазу предоставлялся билет на свободное проживание на территории ханств. Некоторые пленники, пользуясь данной привилегией, не возвращались на родину (например, Василий Пшеничников два года до возвращения в Россию был в отставке).

Далее подробно описывался военный быт, состояние вооружения и его производства, особенности управления местными армиями. На основе анализа М.Н. Галкиным делался вывод о неудовлетворительном вооружении и боевом духе местных войск. Автор приводит в книге такое наблюдение: «...все дела до рукопашного боя никогда не доходили, а всегда кончались одной перестрелкой, причем кто-нибудь из сражающихся постоянно обращался в бегство» [1. С. 51]. Для исправления дел местные владетели вынужденно прибегали к услугам английских военных советников, которые, чаще всего, учили местных военных стрельбе из пушек и занимались их литьем [1. С. 66]. Местные правители одинаково опасались проникновения и англичан, и русских, но в условиях возможной российской экспансии обращались за помощью к англичанам.

Таким образом, во второй части своей работы автор проанализировал военно-политическую обстановку в Туркмении, и этим он фактически подтвердил, что экспедиция Н.П. Игнатьева являлась не только дипломатической миссией с сопутствующими научными изысканиями, во многом возложенным на М.Н. Галкина, но выполняла функцию разведки местности для будущих военных действий.

Заключение

Рассмотрев этнографические материалы, можно утверждать, что они представляют собой комплексное исследование, привлекшее внимание современников и способное заинтересовать современного ученого. Исторические и географические сведения, приведенные в рассмотренной работе, дополнялись дипломатическими, военными и разведывательными данными, а этнографические материалы до сих пор

представляют интерес для исследователей. М.Н. Галкин-Враской, являясь сотрудником дипломатической службы Российской империи, сумел показать себя в качестве разнопланового исследователя, способного использовать разнообразный научный инструментарий. Наблюдательность автора, способность к глубокому анализу и ясному изложению результатов исследования предопределили его европейскую командировку по изучению западного пенитенциарного опыта.

Список источников

1. Галкин М.Н. Этнографические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю СПб. : Тип. Куколь-Яснопольского, 1867. 252 с.
2. Залесов Н. Письмо из степи // Военный сборник. 1858. № 5. С. 487–491.
3. Залесов Н. Письмо из Хивы // Военный сборник. 1858. № 8. С. 491–497.
4. Залесов Н. Письмо из Хивы // Военный сборник. 1859. № 1. С. 273–295.
5. Залесов Н. Письмо из Бухары // Военный сборник. 1860. № 4. С. 335–348.
6. Игнатьев Н. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году. СПб. : Государственная типография, 1897. 278 с.
7. Кильевин Е. Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во времена правления Сеид-Мохаммед Хана, 1856–1860 г. // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. 1. СПб. : Тип. В. Безобразова, 1861. С. 95–108.
8. Назаров П. Воспоминания о степном походе в ханства Хиву и Бухару // Военный сборник. 1864. № 4. С. 375–390.
9. Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азиою со времени кончины Абул-Хайр хана (1748–1765 гг.). Т. 1. Уфа : Губ. типогр. 1853. 48 с.
10. Венюков М.И. Поступательное движение России в северной и восточной Азии // Венюков М. Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. СПб., 1877.
11. Грулев М.В. Соперничество России и Англии в Средней Азии. М. : Нобель Пресс, 2024. 388 с.
12. Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.) / отв. ред. А.К. Боровков. М. : Изд-во Восточной литературы, 1958. 250 с.
13. Левтеева Л.Г. Присоединение Средней Азии к России в мемуарных источниках (историография проблемы). Ташкент : ФАН, 1986. 143 с.
14. Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб. : Военная типография, 1890. 375 с.
15. [Муравьев Н.Н.] Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьёва, посланного в сии страны для переговоров. Ч. 1–2. М., 1822.
16. Попов А.Н. Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1853. 188 с.
17. Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб. : Тип. П.П. Меркульева, 1875. 361 с.
18. Борис А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарии и Персию, предпринятое по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832, 1833 годах. Ч. 1–3 / издание П.В. Голубкова, действительный член Русского Географического общества ; [пер. с англ. Георг Мин]. М. : Университетская типография, 1848–1849. 21 с.
19. Yate A.C. England and Russia face to face in Asia. Edinburgh ; London : W. Blackwood and sons, 1887. 481 р.
20. Conolly A. Journey to the north of India, overland from England through Russia, Persia and Afghanistan. 2 ed. London, 1838.
21. Hopkirk Peter. The great game: On Secret Service in High Asia. Oxford University Press, 2001. 562 р.
22. Габараев А.Ш., Дикопольцев Д.Е. Первый начальник главного тюремного управления М.Н. Галкин-Враской и его вклад в развитие тюремной системы Российской империи // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 1. С. 65–66.
23. Пергли Л.Ф. Первый начальник Главного тюремного управления Российской империи М.Н. Галкин-Враской // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 3. С. 32–35.
24. Брагамберг И.Ф. Историческая записка о прибрежных туркменских поколениях со времени вступления их в сношение с русским правительством. Кн. IV. СПб. : Рус. геогр. общество, 1850.
25. Кирокосьян М.А. Русский флаг на Каспии: Два столетия Каспийской флотилии (середина XVII – середина XIX века); Пираты каспийского моря. М. : Военная книга, Кучково поле, 2013. 416 с.
26. Дело 1714–1718 гг. об отправлении лейб-гвардии Преображенского полка капитана-поручика князя Александра Бековича-Черкасского на Каспийское море и Хиву (материалы Военно-учетного архива Главного штаба). Т. 1. СПб., 1871.
27. Паничкин Ю.Н. Политика Великобритании в регионе Южной и Центральной Азии в XIX веке и Российско-британское противостояние // Новые технологии в науке, образовании, производстве : материалы междунар. науч.-практ. конф., Рязань, 10–13 ноября 2017 г. Рязань : РИБУ, 2017. С. 228–241.
28. Паничкин Ю.Н. Политика России и Великобритании в Средней Азии во второй половине XIX века // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты : сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф., Рязань, 18–19 апреля 2018 года / под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной, Ю.И. Лосева. Рязань : ИП Конякин А.В., 2018. С. 164–170.
29. Туарменский А.В., Туарменский В.В. Михаил Иванович Венюков: между Востоком и Западом // Человеческий капитал. 2023. № 2 (170). С. 76–85.
30. Записки о Бухарском ханстве (отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М. : Наука, 1983. 149 с.

References

1. Galkin, M.N. (1867) *Etnograficheskie materialy po Srednei Azii i Orenburgskomu krayu* [Ethnographic Materials on Central Asia and the Orenburg Region]. Saint Petersburg: Tip. Kukol-Yasnopolskogo.
2. Zalesov, N. (1858) Pis'mo iz stepi [Letter from the Steppe]. *Voennyi sbornik*. 5. pp. 487–491.
3. Zalesov, N. (1858) Pis'mo iz Khivy [Letter from Khiva]. *Voennyi sbornik*. (8). pp. 491–497.
4. Zalesov, N. (1859) Pis'mo iz Khivy [Letter from Khiva]. *Voennyi sbornik*. (1). pp. 273–295.
5. Zalesov, N. (1860) Pis'mo iz Bukhary [Letter from Bukhara]. *Voennyi sbornik*. (4). pp. 335–348.
6. Ignat'ev, N. (1897) *Missiya v Khivu i Bukharu v 1858 godu* [Mission to Khiva and Bukhara in 1858]. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
7. Kilevein, E. (1861) Otryvok iz puteshestviya v Khivu i nekotorye podrobnosti o khanstve vo vremena pravleniya Seid-Mohammed Khan, 1856–1860 g. [A fragment of a journey to Khiva and some details about the khanate during the reign of Seyid-Mohammed Khan, 1856–1860]. In: *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society]. Book 1. Saint Petersburg: Tip. V. Bezobrazova. pp. 95–108.

8. Nazarov, P. (1864) Vospominaniya o stepnom pokhode v khanstva Khivu i Bukharu [Memories of the steppe campaign to the khanates of Khiva and Bukhara]. *Voennyj sbornik*. (4), pp. 375–390.
9. Vel'yaminov-Zernov, V.V. (1853) *Istoricheskie izvestiya o kirgiz-kaisakakh i snosheniyah Rossii so Srednei Aziei so vremenem konchiny Abul-Khair khana (1748–1765 gg.)* [Historical news about the Kirghiz-Kaisaks and Russia's relations with Central Asia from the time of the death of Abul-Khair Khan (1748–1765)]. Vol. 1. Ufa: Gub. tipogr.
10. Venyukov, M.I. (1877) Postupatel'noe dvizhenie Rossii v severnoi Azii [The progressive movement of Russia in northern and eastern Asia]. In: Venyukov, M.I. *Rossiya i Vostok. Sobranie geograficheskikh i politicheskikh statei* [Russia and the East. Collection of geographical and political articles]. SPb.
11. Grulyov, M.V. (2024) *Sopernичество Rossii i Anglii v Srednei Azii* [The Rivalry between Russia and England in Central Asia]. Moscow: Nobel' Press.
12. Ivanov, P.P. (1958) *Ocherki po istorii Srednei Azii (XVI – середина XIX в.)* [Essays on the History of Central Asia (16th – mid-19th centuries)]. Moscow: Izd-vo Vostochnoi literatury.
13. Levtseva, L.G. (1986) *Prisoedinenie Srednei Azii k Rossii v memuarnykh istoricheskikh (istoriografiya problemy)* [The Annexation of Central Asia to Russia in Memoir Sources (Historiography of the Problem)]. Tashkent: FAN.
14. Maksheev, A.I. (1890) *Istoricheskiy obzor Turkestana i nastupatel'nogo dvizheniya v nego russkikh* [Historical review of Turkestan and the Russian offensive movement into it]. Saint Petersburg: Vojennaya tipografiya.
15. Murav'ev, N.N. (1822) *Puteshestvie v Turmeniyu i Khivu v 1819 i 1820 godakh gvardeiskogo general'nogo shtaba kapitana Nikolaya Murav'eva, poslannogo v sii strany dlya peregovorov* [Journey to Turkmenia and Khiva in 1819 and 1820 by Captain of the Guards General Staff Nikolai Muravyov, Sent to These Countries for Negotiations]. Parts 1–2. Moscow.
16. Popov, A.N. (1853) *Snosheniya Rossii s Khivoi i Bukharoi pri Petre Velikom* [Relations of Russia with Khiva and Bukhara under Peter the Great]. Saint Petersburg: Tip. Imp. Akademii nauk.
17. Terent'ev, M.A. (1875) *Rossiya i Angliya v Srednei Azii* [Russia and England in Central Asia]. Saint Petersburg: Tip. P.P. Merkul'eva.
18. Boms, A. (1848–1849) *Puteshestvie v Bukharu: rasskaz o plavaniyu po Indu ot morya do Lagora s podarkami velikobritanskogo korоля i otchet o puteshestvii iz Indii v Kabul, Tatariyu i Persiyu, predprinyatym po predpisaniyu vysshego pravitel'stva Indii v 1831, 1832, 1833 godakh* [Journey to Bukhara: A Story about a Voyage along the Indus from the Sea to Lahore with Gifts from the British King and a Report on a Journey from India to Kabul, Tartary and Persia, Undertaken by Order of the Supreme Government of India in 1831, 1832, 1833]. Parts 1–3. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
19. Yate, A.C. (1887) *England and Russia face to face in Asia*. Edinburgh; London: W. Blackwood and sons.
20. Conolly, A. (1838) *Journey to the north of India, overland from England through Russia, Persia and Afghanistan*. 2nd ed. London.
21. Hopkirk, P. (2001) *The great game: On Secret Service in High Asia*. Oxford: Oxford University Press.
22. Gabaraev, A.Sh. & Dikopol'tsev, D.E. (2019) Pervyi nachal'nik glavnogo tyuremnogo upravleniya M.N. Galkin-Vraskoi i ego vklad v razvitiye tyuremnoi sistemy Rossiiskoi imperii [The First Head of the Main Prison Administration M.N. Galkin-Vraskoy and his contribution to the development of the prison system of the Russian Empire]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*. 1. pp. 65–66.
23. Pertli, L.F. (2014) Pervyi nachal'nik Glavnogo tyuremnogo upravleniya Rossiiskoi imperii M.N. Galkin-Vraskoi [The First Head of the Main Prison Administration of the Russian Empire M.N. Galkin-Vraskoy]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy*. 3. pp. 32–35.
24. Bralamberg, I.F. (1850) *Istoricheskaya zapiska o pribrezhnykh turkmeneskikh pokoleniyakh so vremenem vstupleniya ikh v snoshenie s russkim pravitel'stvom* [Historical Note on the Coastal Turkmen Tribes from the Time They Entered into Relations with the Russian Government]. Book IV. Saint Petersburg: Rus. geogr. obshchestvo.
25. Kirokos'yan, M.A. (2013) *Russkii flag na Kaspii: Dva stoletiya Kaspiiskoi flotilii (seredina XVII – середина XIX veka); Piraty kasiiskogo morya* [The Russian Flag on the Coastal Turkmen Tribes from the Time They Entered into Relations with the Russian Government]. Book IV. Saint Petersburg: Rus. geogr. obshchestvo.
26. Anon. (1871) *Delo 1714–1718 gg. ob otpravlenii leib-gvardii Preobrazhenskogo polka kapitana-poruchika knyazya Aleksandra Bekovicha-Cherkasskogo na Kaspiiskoe more i Khivu (materialy Voenno-uchetnogo arkhiva Glavnogo shtaba)* [Case of 1714–1718 on the dispatch of Captain-Lieutenant of the Life Guards Preobrazhensky Regiment Prince Alexander Bekovich-Cherkassky to the Caspian Sea and Khiva (materials of the Military Accounting Archive of the General Staff)]. Vol. 1. Saint Petersburg.
27. Panichkin, Yu.N. (2017) Politika Velikobritanii v regione Yuzhnogo i Srednei Azii v XIX veke i Rossiisko-britanskoe protivostoyanie [British policy in the region of South and Central Asia in the 19th century and the Russian-British confrontation]. *Novye tekhnologii v nauce, obrazovanii, protizvodstve* [New technologies in science, education, and production]. Proceedings of the International Conference. Ryazan. 10–13 November 2017. Ryazan: RIBU. pp. 228–241.
28. Panichkin, Yu.N. (2018) Politika Rossii i Velikobritanii v Srednei Azii vo vtoroi polovine XIX veka [The policy of Russia and Great Britain in Central Asia in the second half of the 19th century]. In: Erlikhson, I.M., Savosina, Yu.V. & Losev, Yu.I. (eds) *Evropa, Rossiya, Aziya: sotrudничество, противоречия, конфликты* [Europe, Russia, Asia: cooperation, contradictions, conflict]. Proceedings of the International Conference. Ryazan. 18–19 April 2018. Ryazan: IP Konyakhin A.V. pp. 164–170.
29. Tuarmenskiy, A.V. & Tuarmenskiy, V.V. (2023) Mikhail Ivanovich Venyukov: mezhdu Vostokom i Zapadom [Mikhail Ivanovich Venyukov: between East and West]. *Chelovecheskii kapital*. (2). pp. 76–85.
30. Anon. (1983) *Zapiski o Bukharskom khanstve (otchety P.I. Demezona i I.V. Vitkevicha)* [Notes on the Khanate of Bukhara (Reports of P.I. Demezon and I.V. Vitkevich)]. Moscow: Nauka.

Информация об авторах:

Туарменский В.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры философии и истории Академии права и управления ФСИН России (Рязань, Россия). E-mail: tuarmensky@gmail.com

Паничкин Ю.Н. – д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Современного технического университета (Рязань, Россия). E-mail: panichkin@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.V. Tuarmensky, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: tuarmensky@gmail.com

Yu.N. Panichkin, Dr. Sci. (History), professor, Modern Technical University (Ryazan, Russian Federation). E-mail: panichkin@list.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.12.2024;
одобрена после рецензирования 16.06.2025; принята к публикации 31.07.2025.

The article was submitted 26.12.2024;
approved after reviewing 16.06.2025; accepted for publication 31.07.2025.